

УДК 821.161.1; 82-312.7

DOI 10.23951/1609-624X-2021-6-135-143

АНДРОГИННЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ЛЕНЫ ЭЛТАНГ «КАМЕННЫЕ КЛЕНЫ»

Е. А. Полева

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Образ андрогина, начиная с «Пира» Платона, служит осмыслению темы любви, проблемы поиска антропологической цельности. Широкою палитру вариантов осмысления андрогинности дает модернистская литература рубежа XIX–XX вв., в традиции которой вписывается творчество современного писателя Лены Элтанг.

Цель – проанализировать воплощение мотива андрогина в романе Л. Элтанг «Каменные клены».

Материал и методы. Работа М. Элиаде «Мефистофель и Андрогин, или Тайна целостности», исследование образа андрогина в литературе Серебряного века и философии И. А. Едошиной, Е. С. Турутиной, Н. А. Копыловой, труды Б. М. Гаспарова и И. В. Силантьева о мотивном анализе.

Результаты и обсуждение. В «Каменных кленах» андрогинные мотивы проявлены в коллизиях взаимоотношений центральных персонажей Саши Сонли и Луэллина Элдерберри, сводных сестер Саши и Эдны, представлены в нескольких вариантах, включая «интерсексуальные переодевания» (М. Элиаде), жертвоприношение.

Обретение любви, обеспечивающее антропологическую и онтологическую полноту бытия, сопряжено с преодолением трудностей (мотивы прохождения испытаний, разгадывания загадок, выбор суженого). Соединение двух людей в гармоничное целое передано через метафорические образы женщины и мужчины: «автор – читатель», «хозяйка гостиницы – постоялец». Л. Элтанг принципиально дистанцируется от телесной семантики мотива андрогина, актуализируя его символический смысл: соединение со второй половиной трактуется как встреча автора со своим читателем, готовым стать соавтором.

Заключение. Роман Лены Элтанг «Каменные клены» вписывается в традиционную, начиная с Античности, интерпретацию образа андрогина, выражающего идею «реинтеграции противоположностей» (М. Элиаде), преодоления одиночества, обретения антропологической и онтологической полноты и целостности личности. Андрогинные мотивы раскрывают в романе темы любви и творчества. Обретение Другого и соединение с ним, подобное по сути андрогинности, дает центральным персонажам романа смысл существования.

Ключевые слова: Л. Элтанг, модернизм, литература русской эмиграции, мотив, андрогин.

Введение

Лена Элтанг эмигрировала из России в 1980-е гг., жила Париже, Копенгагене, Лондоне, с 1991 г. живет в Вильнюсе, пишет стихотворения и прозу на русском языке. Ее романы созданы на основе неомифологической поэтики [1] и вписываются в традиции модернистской литературы, для которой характерны опора на архаичные культурные модели, использование интертекстуальности для конструирования персонажного и авторского мифа.

Базисными для литературы модернизма являются мифы (об Орфее, Дионисе, Тиресии, Гермафродите и др.) и другие тексты Античности (в частности, платоновский «Пир»), связанные с темами раздробленности бытия и поиска экзистенциальной целостности, онтологической полноты [2, с. 52–159, 3, с. 97–104]. В этом контексте закономерно обращение модернистов рубежа XIX–XX вв. (В. Соловьёва, Дм. Мережковского, З. Гиппиус, Н. Гумилёва, В. Розанова и др.) к андрогинным мотивам [2, с. 52–159, 4, с. 98–105]. Согласимся с Н. А. Копыловой, что нужно различать семантику образов гермафродита и андрогина: «Гермафродитизм, как правило, касается физиологического аспекта двуполости, в то время как андрогинность – философского, симво-

лического» [3, с. 97]. По утверждению М. Элиаде, в древних культурах «посредством символической андрогинности» (к ней относятся и жертвоприношения, и «интерсексуальные переодевания», и «гомосексуальная практика») происходит «реинтеграция противоположностей», «установление целостности» [5, с. 27–28]. Начиная с Платона, андрогинность трактуется в соотнесении с любовью [6, с. 244–253], понятой как соединение с alter ego для преодоления одиночества и достижения личностной целостности, полноты бытия.

Представляется, что романы современного писателя Лены Элтанг продолжают модернистскую традицию трактовки образа андрогина.

Материал и методы

Материал исследования – роман Л. Элтанг «Каменные клены». Анализ мотива осуществлен с опорой на работы Б. М. Гаспарова и И. В. Силантьева. Методика анализа предполагает обнаружение и интерпретацию «смысловых пятен» [7], которые, репродуцируясь в тексте, формируют и расширяют сематическое поле мотива. Мотив реализуется на разных уровнях поэтики произведения, он «интертекстуальный в своем функционирова-

нии и обретающий эстетически значимые смыслы в рамках сюжетных контекстов» [8, с. 32].

Результаты и обсуждение

Центральная героиня романа – Саша Сонли. Метафора, раскрывающая ее образ, – «дух противоречия»¹ [9, с. 381], соединение противоположного. Помощница по дому Дейдра отметила, когда Саша еще была ребенком, что ее руна – клен. Этим мама объяснила название поместья «Каменные клены», превращенного в постоянный двор. Образ «Каменных кленов», как и Саши, соединяет противоположное: живое (дерево) и мертвое (камень), внешне прочное, но внутренне хрупкое; семантику дома (и даже родового имени) и не-дома (гостиница). Образ Саши, тридцатитрехлетней девственницы, соблазвившей сводную сестру, соединяет «невинность» и «грешность». В ее детском опыте – синестезия чувств, времени, себя и бытия: «Прошлое и будущее казались ей соединенными этой музыкой, сегодняшними сумерками, шуршанием чьих-то шагов по садовой дорожке, той особой скудной английской тишиной... а сама Саша находилась ровно посередине» [9, с. 260]. Она ведет два дневника (один о настоящем, другой о прошлом), преодолевая таким образом разрыв во времени, пытаясь компенсировать утрату родителей и недостаток любви. Один ее дневник «перерастает» в книгу («Книгу я тоже писать не умею, но вот начала...» [9, с. 151]), которую своровавший «тетрадку» постоялец Луэллин воспринимает как дневник (симбиоз художественного и эго-текста). Самая начитанная в классе, она воспринимается одноклассниками «беспросветной кретинкой» [9, с. 207]. Она, дочь валлийца и русской, соединяет в себе две крови, знает «три языка – мамин, папин и английский» [9, с. 207], кроме этого, переписывает старославянские рецепты из «Травника», оставшегося ей от мамы. В интервью Лена Элтанг интерпретировала полилингвальность (свою и героев ее романов) как проявление базовой в ее творчестве идеи «других возможностей» [10], которая напрямую соотносится с сакральным смыслом андрогинности – достижения «полноты, таившей в себе все возможности» [5, с. 28]. Итак, образ центральной героини аккумулирует в себе семантику андрогинии как «реинтеграции противоположного». Однако Элтанг не дает утопического варианта достижения антропологической и онтологической полноты в одной личности, а ставит проблему поиска целостности и реализации «других возможностей» во взаимоотношениях с Другим.

Исследуемый мотив проявляется в повествовании посредством интертекстуальных отсылок к

¹ Сквозная метафора в творчестве Элтанг (см., например, «Сказки города Ноли», 2006).

образам и персоналиям, связанным с семантикой андрогина. Образ психотерапевта вызывает у Луэллина ассоциации с автором исследования андрогина («майер обзавелся пегой бородкой, как у мирчи элиаде»² [9, с. 144]), Луэллин упоминает древнегреческого слепого пророка Тиресия [9, с. 375], побывавшего и в мужском, и в женском теле. В образах персонажей семантика андрогинности проявлена неакцентированно – через женственную деталь в облике мужчин (отец Саши в юности, Монмут и Луэллин – обладатели «длинных»/«длинноватых» волос), а Саше свойственны «интерсексуальные переодевания» (М. Элиаде). Она спит в «папиной пижаме», носит «мужские рубашки» [9, с. 91, 223] и буквально примеряет на себя образ Луэллина: «я увидел у нее в руках свои очки..., заметил, что она стоит в моем плаще, застегнутом на все пуговицы...» [9, с. 124]. Наконец, и Саша, и Лу соотносятся с луной – планетой андрогин (у Платона читаем: «полов три, и таковы они были потому, что мужской искони происходит от Солнца, женский – от Земли, а совмещавший оба этих – от Луны, поскольку и Луна совмещает оба начала» [11, с. 98]). Луэллин ассоциируется с лунной³ благодаря имени, а Сашу он называет «луноликой трактирщицей» [9, с. 269] «веснушчатой валлийской лун<ой> в воде» [9, с. 158].

Мотив андрогина, пользуясь терминологией Б. М. Гаспарова, относится не к «центральной», а «периферийной» «смысловой области» [12] «Каменных кленов». Однако анализ и образа центральной героини, и коллизий взаимоотношений Саши со сводной сестрой Эдной (Дриной, Младшей) и с постояльцем дома-гостиницы, ставшим читателем ее дневника-книги Луэллином Элдербери (Лу), доказывают значимость этого мотива для раскрытия авторского замысла.

Итак, отношения с окружающими Саша реконструирует в дневниковом тексте. Появление в доме сводной сестры после смерти матери и повторной женитьбы отца приводит к крушению прежнего мира Саши: она утрачивает покой и воспринимает мачеху и ее дочь разрушителями своего дома [9, с. 13]. Саша именуется Эдну Младшей, отводя ей место второй, последующей за ней (это отсылает к архетипическому мотиву соперничества братьев/сестер, оспаривания права на наследство и т. д.)⁴. А Эдна требует у родителей себе такое же имя, как

² Здесь и далее в цитатах дневника Луэллина сохранена авторская орфография, отражающая специфику письма персонажа.

³ Отсылка к луне в имени персонажа не исключает других ассоциаций, к эллинизму прежде всего (Лу-эллин).

⁴ Не единоличное владение «Каменными кленами» после смерти отца воспринимается Сашей болезненно: «Папа не позаботился о бумагах, и теперь „Клены“ принадлежали всем поровну...» [9, с. 126]. Она делает все, чтобы усадьба не досталась мачехе Хедде и ее дочери.

у Саши, и, несмотря на Сашино возмущение, добивается второго имени Александрина [9, с. 41]. Нами уже подмечалось [13, с. 59], что в романе разделение со сводной сестрой собственного имени метафорически обозначает дробление Я на две части (Сашу называют в школе Аликс, а сестру именуют, как она сама рекомендовала, второй частью полного имени – Дрина: *суммарно* – Александрина). Утрата чувства целостности совпадает с выходом из детства: отец не встает на сторону Саши в спорных вопросах, считая ее «взрослой» [9, с. 13] и способной справиться с ситуацией прихода в дом мачехи и ее маленькой дочери.

Сводные сестры являются антагонистами, но и взаимодополняют друг друга: старшая воплощает ментальность, рефлексивность, а младшая – телесную красоту и чувственность. Отношение к Младшей – одна из сквозных тем Сашиных дневников. Она описывает, как соблазнила сестру, вводя тему однополрой любви через отсылку к «Сатирикону»: «Дрина поворачивалась к Саше спиной, каждый раз, ночь за ночью, зажмуривалась и ровно дышала. Совсем как тот мальчик у Петрония <...> Она знала, что Младшая ждет этого прикосновения» [9, с. 62–63].

Достоверность описанного сомнительна, так как дневники Саши наряду с воспоминаниями реально бывшего содержат вымысел. Однако важно присутствие этого ‘сюжета’ в сознании и тексте Саши как отражение отношений со сводной сестрой¹. Эротическое влечение к *сестре, присвоившей ее имя*, прочитывается метафорически – «как попытка вернуть целостность своего Я слиянием и одновременно подавлением, властью над сестрой как своим alter ego» [13, с. 59]. Важно еще и влечение к сестре как к младшей, что можно интерпретировать как интенцию вернуть себе ‘украденное’ Эдной детство. Есть в этом влечении к сестре и эстетический смысл – желание владеть красотой. Поэтому вернувшаяся в «Клены» в финале располневшая Дрина вызывает у Саши ужас тем, что она перестала быть телесно изящной.

Прикасаясь к сестре, Саша преодолевает желание убить, уничтожить ее: «...часы Младшей тикали там, внутри ее тела, ...маленькое тело было набито минутами, ...минуты были ...прочнее и длиннее Сашиных. На мгновение ей захотелось сжать руками горло сестры, чтобы остановить ее часы» (курсив мой. – Е. П.) [9, с. 62]. Однополая любовь, во-первых, выступает альтернативой танатосу и дает успокоение, во-вторых, представляется более

безопасной, чем сближение с мужчиной: «Но от того, что я занимаюсь любовью с женщиной, мне хотя бы немного спокойнее» [9, с. 62]. В другом месте Саша полностью идентифицирует себя со сводной сестрой: «...я ...так привыкла к Младшей, что сама стала Младшей, я впитала ее полностью, ... я не вижу границы между ней и собой...» [9, с. 165]. Любовная связь, как и имитация писем Дрины (которые Саша сочиняет от лица сестры, желая запутать читающего ее тексты Луэллина) – попытки соединения с другим как со своим alter ego.

В Сашином восприятии и Эдна не обладает цельностью: «А Младшая не умерла, хотя все ее давно похоронили. Она просто раскололась посередине...» [9, с. 88]. Читающий дневник Саши Луэллин пытается объяснить себе желание Эдны присвоить Сашино имя, мысленно обращаясь к Младшей: «ты хотела походить на сестру, будто Клитемнестра» [9, с. 194]. Такое сопоставление предполагает ассоциацию Саши с Еленой Прекрасной, что уравнивает взаимозависимость сестер. Оба ощущают друг в друге то, что им самим недостает. Саша в Дрине – полноту телесной жизни, а Дрина в Саше – скрытую за внешней сдержанностью полноту и яркость внутренней жизни. Заметим, что «прежнее ненавистное имя» младшей сестры Эдна созвучно с «одна», отказ от него может интерпретироваться как отсутствие самодостаточности, получается, для «антропологической полноты» (М. Элиаде) и Эдне также нужно соединение с Другим, пусть и условно – через присвоение имени.

С взрослением сестра отвергает любовь Саши, и возникает их соперничество из-за «женихов», завершающееся исчезновением Дрины, вслед за ее матерью, из «Каменных кленов». Отъезд сестры, вроде бы желанный (Саша осталась одна и единолично управляет усадьбой), латентно трагичен, означает пространственное отъединение части своего Я, и Саша в дневнике призывает сестру вернуться: «Эдна Александрина, горе мое, возвращайся домой» [9, с. 118]. Получается, ни любовная связь, ни исчезновение Младшей из пространства жизни Саши не дали необходимого ей чувства гармонии.

Альтернативным поиском целостности служит писание дневника, который фиксирует не факты социальной реальности, а их отражение в психоментальном мире его автора. Дневниковое письмо становится способом фиксации жизни сознания в широком смысле, не только воспоминаний и размышлений, но и альтернативной социальному миру реальности, в которой проигрываются не воплотившиеся сценарии отношений, открываются «другие возможности». Вымышленный дневниковый текст, во-первых, позволяет быть Другим (той же Младшей), во-вторых, «придумать заново» тех, кто исчез из пространства жизни («Когда Младшая

¹ Намек на то, что нужно искать *непрямое* объяснение связи сестер, дает дневниковая запись Луэллина: «...инцест есть не зло, а бедствие <...> такое редко происходит из-за томления плоти, ... но ведь было же что-то еще? непременно было что-то еще» [9, с. 361–362].

уехала, я придумала себе несколько Младших и вертела ими как хотела» [9, с. 252]), в-третьих, они отражают реальные отношения, но этические границы при этом не нарушаются, так как события (ссоры, «война» между сестрами) переведены в иной (условный) план бытия – в текст. Прежде всего это касается убийства сестры. Жители Вишгарда обвиняют в этом Сашу, и она, подыгрывая им, имитирует в Кленах могилу – «кенотаф». Более того, она отражает мнимый факт убийства сестры в дневнике, адресуя информацию своему читателю Луэллину, ложно воспринятому ею инспектором, расследующем ее причастность к преступлению.

Смысл самоговора может быть понят из гипотетических размышлений Саши о возможных причинах убийства сестры уже после того, как Эдна вернулась в «Каменные клены»: «Я убила свою сестру, потому что она хочет быть хозяйкой и всюду сует свой нос.

Нет – ... потому что она перестала быть красивой...» [9, с. 368]. Но более весомым поводом названо чувство вины: «...потому что виновата перед ней, а мне хочется думать, что я виновата не перед ней...» [9, с. 368]. Желание избавиться от сестры и чувства вины к ней антонимично андрогинности, так как, хотя и обусловлено стремлением обрести цельность, защитить свой мир, предполагает не интеграцию, воссоединение, а разрушение. Важно, что в финале чувство неприязни к Эдне преодолевается.

Главный смысл самоговора в дневнике – желание найти того, кто за обманной, выдуманной событийностью разглядит, разгадает ее и полюбит. В этом проявляется восходящий к волшебной сказке и мифу мотив оборотничества. Героя в неподлинном облике должны полюбить, чтобы разрушились злые чары (в этом же контексте упоминается Сашей возлюбленная Зевса, превращенная в корову Ио [9, с. 18]). Самоговор адресован Луэллину – потенциальному читателю дневника.

Поиск своей второй половины – центральная тема «Каменных кленов». Идеалом для Саши служит история любви родителей, случайно встретившихся в буран в одной из церковных часовен. Саша признается себе в чувствах к Луэллину, сопоставляя свои эмоции с опытом родителей: «Я хотела бы заснуть с ним на одной церковной скамье.

Мама с папой именно так и познакомились – они заснули рядом, спина к спине, под высоким церковным сводом во время снежного бурана в Босслейне» [9, с. 317].

В истории встречи Лизы и Уолдо Сонли – отсылка к пушкинской «Метели» и использованному в ней архетипическому мотиву бури в его позитивном варианте (о семантике этого мотива [14, 15]): стихия соединяет будущих влюбленных. Место

встречи – церковь – также знак благословения свыше зарождающегося союза. В описании первой встречи родителей есть аллюзия и на образ андрогина. Лиза и Уолдо просидели всю ночь «спина к спине», т. е. как единый организм, так, как описаны андрогинны у Платона: «...рук было четыре, ног столько же, ... голова же у двух этих лиц, глядевшие в противоположные стороны, была общая...» [11, с. 98].

Ценность любви для Саши и в художественном мире Элтанг в целом выражена в интерпретации знакомства родителей (двоих, обретших друг друга во время морской катастрофы, в месте постоянных крушений) как вселенского чуда, искупившего предшествующие ему гибели людей: «...Босслейн – порт, притягивающий катастрофы... Но теперь Босслейн оправдан, сказал Уолдо, потому что в нем случился снежный буран ... и запер нас здесь на целую ночь.

Разве можно сравнивать гибель многих людей и случайное знакомство двоих, написала мама в своем дневнике...» (курсив Элтанг. – Е. П.) [9, с. 317]. Позиция отца, говорящего о великой ценности любви двоих, радости соединения, затмевающей, преодолевающей интенцию катастроф, разрушений, – основа мировоззрения Саши, которую она выражает не в слове (в дневнике не проявлено ее понимание мнения папы), но в отношении к окружающим ее мужчинам. Этот контекст объясняет и парадоксальные взаимоотношения между героями: проверенная, испытанная на подлинность любовь Луэллина к Саше искупает его вину перед ней за гибель отца.

Поиск второй половины в романе соответствует мифу об андрогинах: важно найти только *свою* вторую половину. Отсутствие взаимности, любви, неверный выбор чреваты смертью: «А папа умер, потому что Хедда его не любила. От этого многие умирают, вот я, например» [9, с. 88]; «Люди умирают, когда кто-то хочет, чтобы они умерли, думала Саша. <...> Папа был не нужен Хедде, и он не выздоровел» [9, с. 127].

Проблема в том, что, даже зная приметы (предсказания служанки Дейдры и интуитивное прозрение мамы о том, откуда и каким будет будущий муж – он должен появиться из-за моря, со стороны Ирландии, иметь физическое увечье), найти свою вторую половину сложно из-за имеющихся альтернатив, «других возможностей». Мысль о трудности поиска Элтанг воплощает, используя функциональных двойников центральных персонажей и мотив соперничества. Саше соположены образы Младшей как ее антагониста, по принципу взаимодополнения, и Табиты – ее «версии», претендующей на сердце Луэллина. С Дриной Саша соперничает за Сондерса Брана, а также выдуманного ею

мужа сестры Дрессера. Табита же – двойник Саши, на что указывает ряд деталей. Лондонская соседка Луэллина так же одинока, в школе не имела друзей. Она работает в архиве, вероятно, библиотеки – ее «перевели работать в отдел словарей» [9, с. 87]. А в своем дневнике-«травнике» Саша вспоминает слова пианиста Натана, случайного знакомого, открывшего ей ее телесную чувственность: «Из тебя выйдет очень хорошая ведьма или плохая библиотекаря» [9, с. 261] – обе альтернативы воплощены в образах Саши, которую соседи называют «русской ведьмой», и Табиты. «Табита» созвучно имени богини Тациты. А решившую молчать Сашу Гвенивер¹ сопоставляет с Мутой, которая в «римской мифологии отождествлялась с божеством тишины и молчания Тацитой» [9, с. 410]. Речевая активность Табиты, как и у Саши, уходит в письмо. Табиту, приходившую на работу к Луэллину справиться о нем, он путает с Сашей.

Табита открыто в письмах к своей тетушке признается в мечте выйти за Лу замуж, фактически принуждает его к физической близости, но это не приводит к соединению. Эпистолярный нарратив Табиты о влюбленности в Лу завершается мортальной семантикой: в запыленной, нежилой лондонской квартире Луэллина она находит погибшую азалию и двух мертвых зябликов. Она – ложная невеста.

Образ Луэллина также вписан в ряд женихов Саши, среди которых Саднерс Брана и Дэффидд Монмут. Дэффидд, как и Луэллин, «учитель античности»; он тоже существенно старше Саши и пытается покровительствовать ей. Ближе к развязке их отношений он купил себе машину. И Лу связан с автомобилями: в нетрезвом виде он попал в аварию, в которой пострадал отец Саши; лишенный после этого права преподавать (историю античности), он устроился работать учителем в автошколе. У Монмута «длинноватые волосы цвета остывшего пепла», у Лу «сто лет не стриженные волосы пепельного цвета» [9, с. 19, 61]. Дэффидд, как и Лу, готов быть на Сашиной «стороне», даже если она убила сестру [9, с. 110].

Монмут, с которым Саша была помолвлена, предлагает в письмах свое объяснение происходящего с ней и размышляет о причинах, по которым Саша отвергла его. Первая причина – в «античном чувстве вины» [9, с. 305], которое не имеет рационального объяснения, но предопределяет молчание и одиночество. Саша разорвала помолвку после смерти отца, «потому, что стыд разъедал твоё сер-

дце, а вина сковала твой язык» [9, с. 232]. Вторая причина – в несовпадении Сашиных ожиданий от жениха с действительностью: он пишет ей, что «не готов был стать кабальным, безропотным читателем, а тебе нужен был читатель, Саша, читатель, и только» [9, с. 304].

Если Дэффидд – ‘вариант’ Луэллина, то Брана – его противоположность. Прежде всего, это подчеркнуто ассоциациями Сондерса с солнцем (sun – в английском языке), а Луэллина – с луной через созвучие светилам их имен. Сондерс загорелый, улыбочивый, по прозвищу «полуденные зубы» [9, с. 121], «Заходящее солнце светило ему прямо в лицо», «прищуренные от солнца глаза» [9, с. 115–116], «его волосы, зубы и кожа сияли на солнце» [9, с. 220]. Луэллин же первый и последний разы появляется в «Каменных кленах» в сумерки, ночью, он связан с образом теней, находится в состоянии полусна, измененного сознания. Чувство соперничества к Брана Лу формулирует в своем дневнике прямо: «я просто не мог, физически не мог его видеть» [9, с. 220].

Сондерса Брана Саша принимает за суженого, узнав, что он глух на одно ухо, а предсказание о замужестве, которому она верит, содержало указание на увечье. Но и Монмут, и Брана – ложные женихи Саши, не прошедшие испытания невесты. Луэллин же – подлинный жених, хотя ей трудно его опознать, так как ему, как и Саше, свойственно состояние оборотничества. Если Саша «играет» в преступницу, то Лу принимают за инспектора. Она сразу заметила его стеклянный глаз – характерную отметину, указывающую на соответствие нового постояльца предсказаниям Дейдры о ее будущем муже, но ложно воспринимая Луэллина как сыщика, подвергает его испытаниям.

Если Брана не выдерживает «немоты» своей невесты, то Луэллин не сдаётся, надеясь услышать ее голос, и, как следствие, успешно преодолевает преграды. Сондерса волнует вынужденное воздержание и несоответствие их отношений с Сашей принятым в обществе нормам. Луэллину же важен внутренний мир Саши, и мнению социума он предпочитает искусствоведческие и мифологические интерпретации ее образа, позволяющие понять не кажимое, а глубоко скрываемое сущностное.

Соединение мужчины и женщины, дающее антропологическую цельность, Элтанг выражает через две пары метафорических образов: хозяйка гостиницы и постоялец; автор и читатель. Гостиница-дом совмещает в себе семантику временного пристанища и опоры существования; функция женщины удержать позицию хозяйки, мужчина же уходит за ответами на свои вопросы, но возвращается. Текст у Элтанг является, перефразируем М. Хайдеггера, ‘домом персонального бытия’, и

¹ Гвенивер интерпретируется Сашей как возможная, после смерти мамы, хозяйка «Каменных кленов», желанная ею альтернатива мачехи Хедды. Ее имя отсылает к образу Прекрасной дамы (Гвенивер – вариант имени Гвиневра (Guinevere в переводе «Светлый дух») – жены короля Артура.

войти в авторский мир, не разрушив его, может только конгениальный читатель; писание и чтение текста – процесс встречного движения друг к другу автора и читателя. В идеале, по мысли Элтанг, читатель должен почувствовать себя соавтором, что и происходит с Лу. Изменение отношения Луэллина к Сашиному дневнику выражает процесс движения к любви, вызревания готовности стать соавтором, т. е. второй половиной. Вначале Луэллин чувствует зависть к Сашиному тексту. Эта мысль рефреном звучит в его записях: «...этот дневник я сам хотел бы писать, сам!» [9, с. 254], он ощущает себя «прикованным» «к языку саши писательской завистью» [9, с. 257], признается, что «сжег бы ее (тетрадку. – Е. П.) с великим удовольствием, как тот подлый венецианец, что заполучил манускрипт Цицерона и уничтожил его, наскоро списав наилучшие мысли» [9, с. 311]. Зависть здесь не деструктивная, рождает интерес («это книга, способная стать удивлением» [9, с. 360]), восхищение, которое, в свою очередь, перерастает в готовность из читателя превратиться в *соавтора*: «...еще пара дней, и я смогу писать за нее, под диктовку ее ... демонов, которые поразительно напоминают моих собственных» (курсив мой. – Е. П.) [9, с. 339].

О. Н. Турышева отметила, что традиция «сопоставления чтения с эротическим событием <...> прочно вошла в европейскую культуру со средневековых времен» [16, с. 90]. Писательство и чтение в романе Элтанг являются метафорой сближения, а «чтение себя самого, жалкое, как совоплощение слепых в крапиве» [9, с. 359]. Готовность читателя стать соавтором означает высшую степень слияния, соединения Я с Другим, подобного андрогинности.

Семантически важен в романе и характер телесно-чувственной связи между разными персонажами. Сближение с неподлинными вторыми половинами травмирует. Соитие с Табитой приносит Лу болевые ощущения: «правая рука у меня затекла», «спина глухо болела» [9, с. 182], прикосновение Монмута Саша болезненно отвергает («ей вдруг показалось, что пальцы Дэффидда отпечатаются у нее на коже» [9, с. 156]), а лишение ее девственности Сондерсом Луэллин сравнивает с изнасилованием¹ богини («шумерская инанна, изнасилованная во сне садовником» [9, с. 386]), пытками и смертной казнью («принцесса айша под пыточным

¹ Заметим, что и сам Луэллин является насильником, но не буквально, а в метафорическом плане: он ворует и не возвращает вовремя на место спрятанный в земле Сашин дневник-Травник. Свои действия он соотносит с насилием отсылкой к Данте: «могильная тетрадка прожигала мне карман плаща, я даже глаз на Сашу поднять не смог: *насильник над ближним и его достоянием*» [9, с. 246] (курсивное выделение вольно пересказанной цитаты Данте – Элтанг).

плугом»), а также жертвоприношением, распятием («тоже мне, жрица-девственница с острова сейн, распятая среди грязных тарелок» [9, с. 341]), которое, в соответствии с семантикой андрогинности, амбивалентно – служит и разрушению, и созиданию целостности [5, с. 27–28]. Саша лишилась девственности, однако Сондерс сравнивает ее с диким лимоном, который, справляясь в словаре Саша, «нарочно становится горьким как желчь – для того, чтобы стать несъедобным и *уцелеть*» (курсив мой. – Е. П.) [9, с. 362]. Саша утратила физическую целостность, зато осознала, что не Брана взял Травник, а значит, ее тайны остались в *сохранности* у подлинного суженного – Луэллина (метонимическая связь Травник – сама Саша здесь очевидна).

В противовес травмирующему сексуальному опыту с неподлинным alter ego сближение со своей второй половиной дано через жесты с семантикой доверия, символического соединения: «спиной к спине» сидели Сашины родители; сама Саша, пишет Луэллин, «взяла мою руку ... и медленно, пуговица за пуговицей, пристегнула свой рукав к моему», «она потерлась виском о мое пристегнутое запястье // я сразу осмелел и протянул руку к ее волосам» [9, с. 223]. «Соединен<ие> рукавами» вызывает в Луэллине сильное эротическое переживание («*crede mihi, non est mentula quod digitus*» [9, с. 223]), интерпретируемое как полностью заполнившее его удивление, прочно приковавшее его к Саше. В контексте темы андрогина жест Саши – символическое соединение двоих в одно целое пристегиванием друг к другу. Они оба ощущают и духовное родство, которое поливариантно проявляется: в сходстве их «теней», призраков, ощущений, способе проживания обстоятельств не только в психофизической реальности, но и в пространстве эго-нарратива, вписанного в античную мифологию, в мировую культуру. Именно внутреннее сходство обуславливает физическое притяжение: «я кружу вокруг, прирученный ее похожестью», – отмечает Луэллин [9, с. 269].

Финал романа – воссоединение как сестер, так и возлюбленных – Саши и Луэллина. Причем обе сюжетные линии отмечены (в противовес мортальной семантике завершения отношений с лже-женихами и невестами) знаками возрождения. Эдну, вернувшуюся в Клены со своей маленькой дочерью, Саша перестает поить сонными травами и признает в ней «прежнюю девочку, будто Осириса в вересковом стволе...» [9, с. 398]. И сама пробуждается от состояния сна-немоты, возвращается к речи, прощает Луэллину воровство дневника-Травника, принимая его помощь. Самый финал романа – торжество жизни (семантика образа ребенка, появления щенков, возвращения звучащего слова),

отказ от разъединяющих обид, вражды, чувства вины и установление полноты существования, воссоединение в родовой усадьбе Сонли, т. е. обретенные состояния, семантически подобного андрогинности.

Заключение

Мотив андрогина в «Каменных кленах» развивается в контексте идей «реинтеграции противоположностей», воплощения «других возможностей» в творчестве, в тексте, через написание и чтение которого возникают отношения любви между героями. Антонимичным андрогинным мотивам в романе является мотив отсутствия любви (он прямо интерпретируется как причина молчания, бессмысленности существования, смерти).

Л. Элтанг принципиально использует семантику андрогинии, а не гермафродитизма, акцентируя не физиологический, а условно-метафорический, философский контекст трактовки соединения мужского и женского в единое целое. Связь с Другим, подобная восстановлению античной андрогинности, – идеал, приближение к которому и желанно, и опасно, – чревато потерями, часто трагическими: «совершенство убивает» (курсив Элтанг. – Е. П.) [9, с. 88]. Тем не менее персонажи романа Саша и Луэллин прошли испытания и в финале счастливо воссоединились. Это принципиально отличает трактовку мотива андрогина в этом романе от данной Л. Элтанг в романе «Побег куманики», центральный герой которого не смог счастливо воплотить интенцию к андрогинии (об этом см. [17]).

Список литературы

1. Михайлова Г., Самойленко А. Художественная картина мира в романе Лены Элтанг «Каменные клены» // Литература. Вильнюс. 2013. № 55(2). URL: https://www.researchgate.net/publication/296687077_HUDOZESTVENNAA_KARTINA_MIRA_V_ROMANE_LENY_ELTAANG_KAMENNYE_KLENY (дата обращения: 3.02.2021).
2. Едошина И. А. Онтология модернизма: фрагментарность и целостность // Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы. М.: РГГУ; Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2002. С. 52–159.
3. Копылова Н. А. Идея андрогинности в античной культуре // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2014. Т. 27 (66), № 1. С. 97–104.
4. Турутина Е. С. Андрогинность как выражение антропологического смысла любви в гендерной деконструкции отечественного философско-культурологического дискурса // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2006. № 7. С. 98–105.
5. Элиаде М. Мефистофель и Андрогин, или Тайна целостности: пер. с фр. / науч. ред. С. С. Тавашерня. СПб.: Алетейя: Университетская книга, 1998. URL: <http://askrsvarte.org/pub/downloads/mefisto.pdf> (дата обращения: 13.02.2020).
6. Шишлова Е. Э. Психологическая и философская рефлексия феномена андрогина как постгендера // Вестник МГИМО-Университета. 2014 № 1 (34). С. 244–253.
7. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1994. 303 [1] с.
8. Силантьев И. В. Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2002. С. 32–60.
9. Элтанг Л. Каменные клены: роман. М.: АСТ: Астрель, 2009. 414 с.
10. «Писателю не стоит обижаться на страну, где живут его читатели»: Интервью Лены Элтанг Ольге Бубич // Белорусский журнал. 10.08.2015. URL: <http://journalby.com/news/lena-eltang-pisatelyu-na-stoit-obizhatsya-na-stranu-gde-zhivut-ego-chitateli-438> (дата обращения: 12.02.2020).
11. Платон. Сочинения в четырех томах: пер. с древнегреч. Т. 2 / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 528 с.
12. Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. 1888. № 10. С. 96–107.
13. Полева Е. А., Величко О. П. Сказочный интертекст в романе Лены Элтанг «Каменные клены» (часть первая) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2020. Вып. 3. С. 53–62.
14. Никанорова Е. К. Буря на море, или Буран в степи (к вопросу о типологии мотивов). Статья первая // Материалы к Словарию сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 5 / под. ред. Т. И. Печерской. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 3–36.
15. Нагина К. А. «Метельный» мир в творчестве А. Блока, А. Белого, В. Брюсова на фоне литературной традиции // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 3. С. 47–55.
16. Турышева О. Н. Метафоры чтения в творчестве Владимира Сорокина // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 22. С. 89–109.
17. Полева Е. А. Андрогинные мотивы в романе Лены Элтанг «Побег куманики» // Сибирский филол. журнал. 2021. № 2. С. 148–160.

Полева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: poleva@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 30.07.2020

DOI 10.23951/1609-624X-2021-6-135-143

ANDROGYNOUS MOTIVES IN LENA ELTANG'S NOVEL "STONE MAPLES" ("KAMENNYE KLEINY")

E. A. Poleva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. Lena Eltang's novel "Stone Maples" fits into the traditional, since antiquity, interpretation of the androgynous image associated with the idea of "reintegration of opposites" (M. Eliade), the problem of finding the Other to gain the anthropological and ontological completeness and integrity of the individual.

The aim is to analyze the semantics of the androgynous motif in L. Eltang's novel "Stone Maples". The theoretical and methodological basis of the research is the work of M. Eliade "Mephistopheles and Androgynes", the research of I. A. Edoshina, E. S. Turutina, N. A. Kopylova, devoted to the image of androgynes in the literature of the Silver Age and philosophy.

Results and discussion. In "Stone Maples", androgynous motifs are manifested in the conflicts between the central characters of Sasha Sonley and Llewellyn Elderberry, the half-sisters of Sasha and Edna. Androgynous motifs are presented in several versions: homosexual attraction, "intersex disguises", sacrifice, as well as through specific metaphors of connecting two people into a harmonious whole "author-reader", "hotel hostess-guest". Finding love, which provides the anthropological and ontological completeness of being, is fraught with difficulties (motives for passing tests, solving riddles, choosing a betrothed).

L. Eltang fundamentally distances himself from the bodily semantics of the androgynous motif, actualizing its symbolic meaning: unity with the second half is interpreted as a meeting of the author with his reader, who is ready to become a co-author.

Conclusion. Androgynous motifs reveal the themes of love and creativity in the novel. Only the acquisition of the Other gives the fullness and meaning of existence.

Keywords: *Lena Eltang, modernism, literature of Russian emigration, motif, androgyne.*

References

1. Mikhaylova G., Samoilenko A. Khudozhestvennaya kartina mira v romane Leny Eltang "Kamennye klyony" [Artistic picture of the world in the novel by Lena Eltang "Stone maples"]. *Literatura. Vil'nyus*, 2013, no. 55 (2) (in Russian). URL: https://www.researchgate.net/publication/296687077_HUDOZESTVENNAA_KARTINA_MIRA_V_ROMANE_LEN_YELTANG_KAMENNYE_KLENY (accessed 3 February 2021).
2. Edoshina I. A. Ontologiya modernizma: fragmentarnost' i tselostnost' [Ontology of modernism: fragmentation and integrity]. In: *Kudozhestvennoye soznaniye modernizma: istoki i mifologemy* [Art consciousness of modernism: origins and mythologems]. Moscow, Kostroma, RGGU; KGU im. N. A. Nekrasova Publ., 2002. Pp. 52–159 (in Russian).
3. Kopylova N. A. Ideya androginnosti v antichnoy kul'ture [The idea of androgyny in ancient culture]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya "Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya"*, 2014, vol. 27 (66), no. 1, pp. 97–104 (in Russian).
4. Turutina E. S. Androginnost' kak vyrazheniye antropologicheskogo smysla lyubvi v gendernoy dekonstruktsii otechestvennogo filosofsko-kul'turologicheskogo diskursa [Androgyny as an expression of the anthropological meaning of love in the gender deconstruction of the domestic philosophical and cultural discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2006, vol. 7, pp. 98–105 (in Russian).
5. Eliade M. *Mefistofel' i Androgin, ili Tayna tselostnosti* [Méphistophélès et l'Androgyne]. Ed. S. S. Tavasherniya. Saint Petesburg, Aleteyya: Universitetskaya kniga Publ., 1998. URL: <http://askrsvarte.org/pub/downloads/mefisto.pdf> (accessed 13 February 2020) (in Russian).
6. Shishlova E. E. *Psikhologicheskaya i filosofskaya refleksiya fenomena androgina kak postgenera* [Psychological and philosophical reflection of the androgynous phenomenon as a postgender]. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2014, no. 1 (34), pp. 244–253 (in Russian).
7. Gasparov B. M. *Literaturnye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka* [Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the twentieth century]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 303 [1] p. (in Russian).

8. Silant'ev I. *Motiv kak problema narratologii* [Motive as a problem of narratology]. *Kritika i semiotika*. Vyp. 5 [Criticism and semiotics. Issue 5]. Novosibirsk, Institute of philology of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002. Pp. 32–60 (in Russian).
9. Eltang L. *Kamennye klyony* [Stone maples]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2009. 414 p. (in Russian).
10. “Pisatelyu ne stoit obizhat'sya na stranu, gde zhivut ego chitateli”: Interv'yu Leny Eltang Ol'ge Bubich [“A writer should not be offended by the country where his readers live”: Interview of Lena Eltang to Olga Bubich]. *Belorusskiy zhurnal* [Belorussky zhurnal]. 10.08.2015 (in Russian). URL: <http://journalby.com/news/lena-eltang-pisatelyu-na-stoit-obizhatsya-na-stranu-gde-zhivut-ego-chitateli-438> (accessed 12 February 2020).
11. Plato. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in four volumes]. Vol. 2. General ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi. Note by A. F. Losev and A. A. Takho-Godi. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 528 p. (in Russian).
12. Gasparov B. M. Iz nablyudeniy nad motivnoy strukturoy romana M. A. Bulgakova “Master i Margarita” [From observations on the motivic structure of M. A. Bulgakov's novel “The Master and Margarita”]. *Daugava*, 1888, no. 10, pp. 96–107 (in Russian).
13. Poleva E. A., Velichko O. P. Skazochnyy intertekst v romane Leny Eltang “Kamennye klyony” (chast' pervaya) [Fairy-tale intertext in the Lena Eltang's novel “Stone Maples” (part 1)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2020, no.3, pp. 53–62 (in Russian).
14. Nikanorova E. K. Burya na more, ili Buran v stepi (k voprosu o tipologii motivov). Stat'ya pervaya [Storm at the sea or snow-storm in the steppe (on the question of the typology of motifs). The first article]. *Materialy k Slovaryu syuzhetov i motivov russkoj literatury. Vypusk 5* [Materials for the Dictionary of plots and motives of Russian literature. Vol. 5]. Ed. T. I. Pecherskaya. Novosibirsk, NSU Publ., 2002, pp. 3–36 (in Russian).
15. Nagina K. A. “Metel'nyy” mir v tvorchestve A. Bloka, A. Belogo, V. Bryusova na fone literaturnoy traditsii [“Blizzard” world in the works of A. Blok, A. Bely, V. Bryusov, on the background of literary tradition]. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika – Bulletin of St. Petersburg state University. Series 9. Philology. Orientalism. Journalism*, 2011, no. 3, pp. 47–55 (in Russian).
16. Turysheva O. N. Metaforы chteniya v tvorchestve Vladimira Sorokina [Metaphors of reading in the works of Vladimir Sorokin]. *Tekst. Kniga. Knigozdaniye – Text. Book. Book publishing*, 2020, no. 22, pp. 89–109 (in Russian).
17. Poleva E. A. *Androgynnye motivy v romane Leny Eltang “Pobeg kumaniki”* [Androgynous motives in Lena Eltang's novel “Pobeg Kumaniki” (“Escape (Sprout) of the Brambles”)]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2021, no. 2, pp. 148–160 (in Russian).

Poleva E. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University (Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: poleva@tspu.edu.ru